

Золото – хозяйке, серебро – слуге,
Медяки – ремесленной всякой мелюзге.
«Верно, – отрубил барон, нахлобучив шлем, –
Но Хладное Железо властвует над всем!»
Р. Киплинг

ГЛАВА 1

*Мордор, пески Хутэл-Хара.
6 апреля 3019 года Третьей Эпохи*

Есть ли на свете картина прекраснее, чем закат в пустыне, когда солнце, будто бы устыдившись вдруг за свою белесую полдневную ярость, начинает задаривать гостя пригоршнями красок немыслимой чистоты и нежности! Особенно хороши неисчислимые оттенки сиреневого, в мгновение ока обращающие гряды барханов в зачарованное море – смотрите не упустите эту пару минут, они никогда уже не повторятся... А предрассветный миг, когда первый проблеск зари обрывает на полутакте чопорный менюэт лунных теней на вошеном паркете тақыров – ибо эти балы навечно сокрыты от непосвященных, предпочитающих день ночи... А неизбежная трагедия того часа, когда могущество тьмы начинает клониться к упадку и пушистые гроздьи вечерних созвездий внезапно обращаются в колкое льдистое крошево – то самое, что под утро осядет изморозью на вороненом щебне хаммадов...

Именно в такой вот полуночный час по внутреннему краю серповидной щебнистой проплешины меж невысоких дюн серыми тенями скользили двое, и разделяющая их дистанция была именно той, что и предписана для подобных случаев Полевым уставом. Правда, большую часть поклажи – в нарушение уставных правил – нес не задний, являвший собою «основные силы», а передний – «передовое охранение», однако на то имелись особые причины. Задний заметно прихрамывал и совершенно выбился из сил; лицо его – худое и горбоносое, явственно свидетельствующее об изрядной примеси умбарской крови, – было сплошь покрыто липкой испариной. Передний же по виду был

типичный орокуэн, приземистый и широкоскулый – одним словом, тот самый «орк», которыми в Закатных странах пугают непослушных детей; этот продвигался вперед стремительным рыскающим зигзагом, и все движения его были бесшумны, точны и экономны, как у почуявшего добычу хищника. Свою накидку из бактерианьей шерсти, что всегда хранит одну и ту же температуру – хоть в полуденное пекло, хоть в предутренний колотун – он отдал товарищу, оставшись в трофейном эльфийском плаще – незаменимом в лесу, но совершенно бесполезном здесь, в пустыне.

Впрочем, не холод сейчас заботил орокуэна: позвериному чутко вслушиваясь в ночное безмолвие, он кривился будто от зубной боли всякий раз, как до него долетал скрип щепня под неверной поступью спутника. Конечно, наткнуться на эльфийский патруль здесь, посреди пустыни, – штука почти невероятная, да и потом для глаз эльфов звездный свет – это вообще не свет, им подавай луну... Однако сержант Цэрлэг, командир разведвзвода в Кирит-Унгольском егерском полку, в такого рода делах никогда не полагался на авось и неустанно повторял новобранцам: «Помните, парни, Полевой устав – это такая книжка, где каждая заплата вписана кровью умников, пробовавших делать по-своему». Оттого-то, наверно, и ухитрился за три года войны потерять лишь двоих солдат и цифрой этой гордился про себя куда больше, чем орденом Ока, полученным прошлой весной из рук командующего Южной армией. Вот и сейчас – у себя дома в Мордоре – он вел себя так, будто по-прежнему находится в глубоком рейде по равнинам Рохана; и то сказать – какой это теперь дом...

Сзади донесся новый звук – не то стон, не то вздох. Цэрлэг обернулся, просчитал дистанцию и, молниеносно скинув с плеч тук с барахлом (так, что ни единая пряжка при этом не звякнула), успел добежать до своего спутника. Тот медленно оседал наземь, борясь с подступающим беспамятством, и отключился, едва лишь сержант подхватил его под мышки. Ругаясь про себя на чем свет стоит, разведчик вернулся к своей поклаже за флягой. Ну и напарничек, ядрена вошь... хоть на хлеб намазывай, хоть под дверь подсовывай...

– Ну-ка хлебните, сударь. Опять похужело?

Стоило лежащему сделать пару глотков, как всё тело его свело приступом мучительной рвоты.

– Извините, сержант, – виновато пробормотал он. – Зря перевели питье.

– Не берите в голову: до подземного водосборника уже рукой подать. Как вы назвали тогда эту воду, господин военлекарь? Смешное слово...

– Адиабатическая.

– Век живи – век учись. Ладно, с питьем-то у нас порядок... Нога опять отнимается?

– Боюсь, что так. Знаете, сержант... оставьте-ка меня здесь и добирайтесь до этого вашего кочевья – вы вроде говорили, тут недалеко, миль пятнадцать. Потом вернетесь. Ведь нарвемся на эльфов – оба пропадем ни за понюх табаку: из меня сейчас вояка – сами понимаете...

Цэрлэг некоторое время размышлял, механически чертя пальцем на поверхности песка значки Ока. Потом решительно заровнял рисунок и поднялся.

– Встаем лагерем. Вон под тем барханчиком – там, похоже, грунт будет поплотнее. Сами дойдете, или проще дотащить вас?

– Послушайте, сержант...

– Помолчите, доктор! Вы – уж простите – как дитё малое: спокойней, когда под приглядом. Попадёте в лапы к эльфам, и через четверть часа вас вывернут наизнанку: состав группы, направление движения и всё такое. А я слишком дорожу своей шкурой... Короче – полтора шагов сами пройти сумеете?

Он брел куда ему было велено, чувствуя, как нога при каждом шаге наливаются расплавленным свинцом. Под самым барханом он опять потерял сознание и не видел уже, как разведчик, тщательно замаскировав следы рвоты и отпечатки ног и тел, быстро, как крот, роет в песчаном откосе дневное убежище. Потом наступило просветление: сержант бережно ведет его к норе с матерчатой выстилкой. «Как вы, сударь, хоть за пару-то суток оклемаетесь?»

Над пустыней между тем взошла луна – омерзительная, будто бы насосавшаяся гноя пополам с кровью. Света, чтоб осмотреть ногу, теперь хватало. Сама по себе

рана была пустяковой, но никак не затягивалась и чуть что начинала кровоточить: эльфийская стрела, как обычно, оказалась отравленной. В тот страшный день он подчистую израсходовал весь запас противоядия на своих тяжелораненых, понадеявшись – авось пронесет. Не пронесло. В лесной чаще несколькими милями северо-восходнее Осгилиатской переправы Цэрлэг отрыл для него схрон под дубовым выворотнем, и пятеро суток он провалялся там, зацепившись сведенными судорогой пальцами за самый краешек обледенелого карниза, имя которому – жизнь. На шестой день он всё же сумел вынырнуть из багрового водоворота невыносимой боли и, глотая горькую, воняющую какой-то химией воду из Имлад-Моргула (до другой было не добраться), слушал рассказы сержанта. Остатки Южной армии, блокированные в Моргульском ущелье, капитулировали, и эльфы с гондорцами угнали их куда-то за Андуйн; его полевой лазарет вместе со всеми ранеными растоптал в кашу взбесившийся мумак из разбитого Харадского корпуса; ждате, похоже, больше нечего – надо пробираться домой, в Мордор.

Тронулись на девятую ночь, едва лишь он смог передвигаться; разведчик избрал путь через Кирит-Унгольский перевал, поскольку предвидел – по Итилиенскому тракту сейчас и мышь не проскочит. Хуже всего было то, что ему так и не удалось разобраться со своим отравлением (тоже ещё специалист по ядам!): судя по симптоматике, это было что-то совсем новое, из последних эльфийских разработок; впрочем, аптечка так и так была почти пуста. На четвертый день болезнь вернулась – в самое неподходящее время, когда они пробирались мимо свежестроенного военного лагеря Закатных союзников у подножия Минас-Моргула. Трое суток пришлось им прятаться в тамошних зловещих развалинах, и на третий вечер сержант с удивлением прошептал ему на ухо: «Да вы, сударь, седеете!» Впрочем, виною тому, возможно, была не сторожившая руины нежить, а вполне реальная виселица, воздвигнутая победителями на обочине тракта – ярдах в двадцати от их убежища. Шесть трупов в истрепанном мордорском обмундировании (большая вывеска извещала посредством каллиграфических эльфийских рун, что

это «военные преступники») собрали на пиршество всё воронье Хмурых гор, и картина эта, наверное, будет преследовать его в снах до конца жизни.

...Нынешний приступ был третьим по счету. Трясаясь от озноба, он заполз в матерчатую нору и вновь подумал: каково же сейчас Цэрлэгу – в эльфийской-то тряпочке? Немного погодя разведчик проскользнул в убежище; тихонько взбулькнула вода в одной из принесенных им фляг, потом посыпался с «потолка» песок – орокуэн маскировал изнутри входное отверстие. И стоило ему подетски приникнуть к этой надежной спине, как холод, боль и страх начали вдруг вытекать прочь и неведомо откуда пришла уверенность – кризис миновал. «Теперь надо только выспаться, и тогда я перестану быть обузой для Цэрлэга... только выспаться...»

– Халаддин! Эй, Халаддин!

«Кто меня зовет? И как я оказался в Барад-Дуре? Не понимаю... Ладно, пускай будет Барад-Дур».

ГЛАВА 2

В полусотне миль к восходу от вулкана Ородруин, там, где легкомысленные болтливые ручьи, зародившиеся под снежниками Пепельных гор, обращаются в степенные и рассудительные арыки, тихо угасающие затем в пульсирующем мареве Мордорской равнины, раскинулся Горгоратский оазис. Хлопок и рис, финики и виноград испокон веков давали здесь по два урожая в год, а работа местных ткачей и оружейников славилась по всему Средиземью. Правда, кочевники-орокуэны всегда глядели на соплеменников, избравших стезю земледельца или ремесленника, с невыразимым презрением: кто ж не знает, что единственное занятие, достойное мужчины, это разведение скота – ну, если не считать грабежей на караванных тропах... Впрочем, данное обстоятельство ничуть не мешало им регулярно наведываться со своими отарами на горгоратские базары – где их исправно обдирали как липку сладкоголосые умбарские кушцы, быстро прибравшие к рукам всю тамошнюю торговлю. Эти разворотливые ребята, всегда готовые рискнуть башкой за пригоршню серебра, водили свои караваны по всему Восходу, не гнушаясь

при этом ни работорговлей, ни контрабандой, ни – при случае – прямым разбоем. Главной статьёй их дохода, правда, всегда был экспорт редких металлов, которые в изобилии добывали в Пепельных горах кряжистые не улыбочивые тролли – несравненные рудокопы и металлурги, которые позднее монополизировали в Оазисе ещё и каменное строительство. Совместная жизнь издавна приучила сыновей всех трех народов поглядывать на соседских красоток с большим интересом, чем на собственных, подкалывать друг дружку в анекдотах («Приходят раз орокуэн, умбарец и тролль в баню...»), а когда надо – сражаться плечом к плечу против варваров Заката, обороняя перевалы Хмурых гор и Моранонский проход.

Вот на этой-то закваске и поднялся шесть веков тому назад Барад-Дур – удивительный город алхимиков и поэтов, механиков и звездочетов, философов и врачей, сердце единственной на всё Средиземье цивилизации, которая сделала ставку на рациональное знание и не побоялась противопоставить древней магии свою едва лишь оперившуюся технологию. Сверкающий шпиль барад-дурской цитадели вознесся над равнинами Мордора едва ли не на высоту Ородруина как монумент Человеку – свободному Человеку, который вежливо, но твердо отверг родительскую опеку Небожителей и начал жить своим умом. Это был вызов тупому агрессивному Закату, щелкавшему вшей в своих бревенчатых «замках» под заунывные речитативы скальдов о несравненных достоинствах никогда не существовавшего Нуменора. Это был вызов изнемогшему под грузом собственной мудрости Восходу, где Инь и Янь давно уже пожрали друг друга, породив лишь изысканную статику Сада тринадцати камней. Это был вызов и кое-кому ещё – ибо ироничные интеллектуалы из мордорской Академии, сами того не ведая, вплотную подошли к черте, за которой рост их могущества обещал стать необратимым – и неуправляемым.

...А Халаддин шагал себе по знакомым с детства улицам – от трех истертых каменных ступенек родительского дома в переулке за Старой обсерваторией мимо платанов Королевского бульвара, что упирается дальним концом в зиккурат с Висячими садами, – направляясь

к приземистому зданию Университета. Именно здесь работа несколько раз дарила ему мгновения наивысшего счастья, доступного человеку: когда держишь, будто птенца на ладони, Истину, открывшуюся пока одному тебе, – и становишься от этого богаче и щедрее всех владык мира... И в разноголосом гомоне двигалась по кругу бутылка шипучего нурнонского, пена под веселые охи сползала на скатерть по стенкам разнокалиберных кружек и стаканов, и впереди была ещё целая апрельская ночь с ее нескончаемыми спорами – о науке, о поэзии, о мироздании и опять о науке, – спорами, рождавшими в них спокойную уверенность в том, что их жизнь – единственно правильная... И Соня глядела на него огромными сухими глазами – только у троллийских девушек встречается изредка этот ускользящий оттенок – темно-серый? прозрачно-карий? – из последних сил стараясь улыбнуться: «Халик, милый, я не хочу быть тебе в тягость», и ему хотелось заплакать от переполнившей душу нежности.

Но крылья сна уже несли его обратно в ночную пустыню, изумляющую любого новичка невероятным разнообразием живности, которая с первыми лучами солнца в буквальном смысле слова проваливается сквозь землю. От Цэрлэга он узнал, что эта пустыня, так же как и любая другая, от века поделена на участки: каждая рощица саксаула, луговина колючей травы или пятно съедобного лишайника – *манны*, – имеет хозяина. Орокуэн без труда называл ему кланы, владеющие теми урочищами, по которым пролегал их путь, и безошибочно определял границы владений, явно ориентируясь при этом не на сложенные из камней пирамидки *або*, а на какие-то лишь ему понятные приметы. Общинами здесь были только колодцы для скота – обширные ямы в песке с горько-соленой, хотя и пригодной для питья водой. Халаддина больше всего поразила система *цандоев* – накопителей адиабатической влаги, о которых он раньше только читал. Он преклонялся перед безвестным гением, открывшим некогда, что один бич пустыни – ночной мороз – способен одолеть второй – сухость: быстро остывающие камни работают как холодильник, «выжимая» воду из вроде бы абсолютно сухого воздуха.

Сержант слова «адиабатический», понятное дело, не знал (он вообще читал мало, не находя в этом занятии ни проку, ни удовольствия), но зато некоторые из накопителей, мимо которых лежал их путь, были некогда сложены его руками. Первый цандои Цэрлэг соорудил в пять лет и ужасно расстроился, не обнаружив в нем поутру ни капли воды: однако он сумел самостоятельно найти ошибку (куча камней была маловата) и именно в тот миг впервые в жизни ощутил гордость Мастера. Станным образом он не испытывал ни малейшей тяги к возне со скотом, занимаясь этим делом лишь по необходимости, а вот из какой-нибудь шорной мастерской его было за уши не вытащить. Родственники неодобрительно качали головами – «ну чисто городской», а вот отец, наглядевшись на всегдашнюю его возню с железяками, заставил изучить грамоту. Так он начал жизнь *манцага* – странствующего ремесленника,двигающегося от кочевья к кочевью, и через пару лет уже умел делать *всё*. А попав на фронт (кочевников обычно определяли либо в легкую кавалерию, либо в егеря), он стал воевать с той же основательностью, с какой раньше клал цандой и ладил бактрианью упряжь.

Война эта, по совести говоря, давно уже надоела ему хуже горькой редьки. Оно конечно, престол-отечество и всё такое... Однако господа генералы раз за разом затевали операции, дурость которых была видна даже с его сержантской колокольни; чтобы понять это, не требовалось никаких военных академий – достаточно (как он полагал) одного только здравого разумения мастерового. После Пеленнорского разгрома, к примеру, разведроту Цэрлэга в числе прочих сохранивших боеспособность частей бросили прикрывать отступление (вернее сказать, бегство) основных сил. Разведчикам тогда определили позицию посреди чистого поля, не снабдив их длинными копьями, и элитное подразделение, бойцы которого имели за плечами минимум по две дюжины результативных ходок в тыл противника, совершенно бессмысленно погибло под копытами роханских конников, не успевших даже толком разглядеть, с кем они имеют дело.

Горбатого могила исправит, решил тогда Цэрлэг; пропади они пропадом с такой войной... Всё, ребята,

навоевались – «штыки в землю и на печку к бабам!». Из этого треклятого леса, где в пасмурную погоду хрен сориентируешься, а любая царапина тут же начинает гноиться, хвала Единому, выбрались, а уж дома-то, в пустыне, как-нибудь не пропадем. В своих сновидениях сержант уже перенесся в знакомое кочевье Тэшгол, до которого оставался один хороший ночной переход. Он с полной отчетливостью представил себе, как не спеша разберется, что там нуждается в починке, тем часом их кликнут к столу, и хозяйка, после того, как они выпьют по второй, начнет потихоньку подводить разговор к тому, каково оно – в доме-то без мужика, а чумазые мальцы – их там четверо (или пятеро? забыл...) – будут вертеться вокруг, домогаясь потрогать оружие... И ещё он думал сквозь сон: дознаться бы – кому она понадобилась, эта война, да повстречать его как-нибудь на узенькой дорожке...

А в самом деле – кому?

ГЛАВА 3

Средиземье, аридный пояс.

Естественно-историческая справка

В истории любого Мира, и Средиземья в том числе, имеет место регулярное чередование двух типов климатических эпох – пльвиальных и аридных: разрастания и сокращения ледяных шапок на полюсах и пояса пустынь подчинены единому ритму, представляющему собой нечто вроде пульса планеты. Эти природные циклы скрыты от глаз летописцев и скальдов причудливым калейдоскопом народов и культур, хотя именно они в значительной степени и порождают этот самый калейдоскоп. Смена климатического режима может сыграть в судьбе страны или даже целой цивилизации роль куда большую, чем деяния великих реформаторов или опустошительное вражеское нашествие. Так вот, в Средиземье вместе с Третьей исторической Эпохой шла к своему завершению и ещё одна эпоха – пльвиальная. Пути переносящих влагу циклонов всё больше отклонялись к полюсам планеты, и в пассатных кольцах, охватывающих тридцатые широты обоих полушарий, уже всюю

шел процесс опустынивания. Ещё недавно Мордорскую равнину покрывала саванна, а на склонах Ородруина росли настоящие леса из кипариса и можжевельника; теперь же пустыня неумолимо, акр за акром, доедала остатки сухих степей, жмущихся к подножию горных хребтов. Снеговая линия в Пепельных горах неуклонно отступала кверху, и ручьи, питающие Горгоратский оазис, всё более походили на угасающего от непонятной болезни ребенка. Будь тамошняя цивилизация чуть попримитивнее, а страна победнее, всё так и катилось бы своим чередом; процесс растянулся бы на века, а за такое время всегда что-нибудь да образуется. Но у Мордора сил было немерено, так что здесь решили «не ждать милостей от природы» и наладить обширную систему поливного земледелия с использованием воды из притоков озера Нурнон.

Здесь необходимо сделать одно пояснение. Орошаемое земледелие в пустынной зоне весьма продуктивно, однако требует предельной аккуратности. Дело тут в большом количестве соли, растворенной в здешних грунтовых водах: главная проблема состоит в том, чтобы, упаси Бог, не извлечь их на поверхность – это приводит к засолению продуктивного слоя почвы. Именно это и произойдет, если вы в процессе орошения выльете на поле слишком много влаги и заполните почвенные капилляры на такую глубину, что грунтовые воды окажутся напрямую соединены с поверхностью. Капиллярные силы плюс поверхностное испарение тут же начнут выкачивать эту воду из глубины почвы (точно так же, как поднимается горячая жидкость по зажженному фитилю светильника), и процесс этот неостановим; вы и глазом моргнуть не успеете, как на месте поля у вас возникнет безжизненный солончак. Главная же печаль в том, что, единожды промахнувшись, вы уже никакими силами не сумеете упрятать эту соль обратно в глубину.

Есть два способа избежать этих неприятностей. Во-первых, можно поливать очень понемножку – так, чтобы капиллярная влага с поверхности не соприкоснулась с зеркалом грунтовых вод. Во-вторых, возможен так называемый промывной режим: надо периодически создавать на полях избыток проточной воды, которая просто

смывала бы постоянно просачивающуюся из глубины почвы соль и уносила ее прочь – в море или иной конечный водоем стока. Но тут есть одна тонкость: промывной режим можно обеспечить лишь в долинах крупных рек, имеющих ярко выраженный паводок – он-то и вычищает накопившуюся за год соль. Именно таковы природные условия, например, в Кханде – откуда и скопировали систему орошения неопытные мордорские инженеры, искренне полагавшие, будто качество мелиорации определяется числом кубических саженей вынутаго грунта.

В замкнутой же котловине Мордора промывной режим создать нельзя принципиально, поскольку протекающих сквозь нее рек нет, а конечным водоемом стока является Нурнон – тот самый, чьи притоки и оказались разобраны на орошение удаленных от озера угодий. Малый перепад высот не позволял создать в этих каналах никакого подобия паводков, так что смывать соль с полей оказалось, во-первых, нечем, а во-вторых, некуда. Через несколько лет невиданных урожаев произошло неизбежное – началось быстрое засоление громадных площадей, а попытки наладить дренаж не удалось из-за высокого стояния грунтовых вод. Итог: колоссальные ресурсы пущены на ветер, а экономике страны и ее природе нанесен чудовищный ущерб. Мордору вполне подошла бы умбарская система мелиорации с минимальным поливом (кстати, гораздо более дешевая), но и эта возможность была теперь невозможна утрачена. Инициаторы ирригационного проекта и его главные исполнители получили по двадцать пять лет свинцовых рудников, но это, как легко догадаться, делу не помогло.

Случившееся было, конечно, очень крупной неприятностью, но все-таки не катастрофой. Мордор к тому времени вполне заслуженно величали Мастерской мира, и он мог в обмен на свои промышленные товары получить любое количество продовольствия из Кханда и Умбара. День и ночь через итилийский Перекресток спешили друг навстречу другу торговые караваны, и в Барад-Дуре всё громче раздавались голоса, что, дескать, вместо того чтобы ковыряться с этим сельским хозяйством, от которого всё равно одни убытки, надо

развивать то, чего никто в мире, кроме нас, не умеет, – металлургию и химию... В стране действительно уже всюду шла промышленная революция: паровые машины исправно трудились на шахтах и мануфактурах, а успехи воздухоплавания и электрические опыты сделались излюбленной темой для застольных бесед в образованных слоях общества. Только что был принят закон о всеобщем обучении грамоте, и Его Величество Саурон VIII со свойственным ему несколько тяжеловесным юмором заявил на заседании парламента, что собирается приравнять непосещение школы к государственной измене. Отличная работа многоопытного дипломатического корпуса и мощной разведывательной службы позволила свести размеры кадровой армии до минимума, так что та почти не обременяла собой экономику.

Однако именно в это время прозвучали некие слова, коим суждено было изменить всю историю Средиземья; странным образом они почти в точности повторяли пророческое высказывание, сделанное в ином Мире относительно совсем другой державы и звучащее так: «Страна, не способная себя прокормить и зависящая от импорта продовольствия, не может считаться серьёзным военным противником».

ГЛАВА 4

*Арнор, башня Амон-Сул.
Ноябрь 3010 года Третьей Эпохи*

Слова эти произнес высокий седобородый старик в серебристо-сером плаще с откинутым капюшоном: он стоял, опершись пальцами о край овального черного стола, вокруг которого расположились в высоких креслах четыре полускрытые тенью фигуры. По некоторым признакам было ясно, что речь удалась: Совет на его стороне, и теперь пронзительные темно-голубые глаза стоящего, являющие резительный контраст с его пергаментным лицом, безотрывно следили за единственным из четверых – за тем, с которым ему сейчас предстояло сразиться. Тот сидел чуть поодаль, как бы заранее отделив себя от остальных членов Совета, и плотно кутался

в ослепительно белый плащ: похоже было, что его сильно знобит. Но вот он выпрямился, сжав подлокотники кресла, и под темными сводами прозвучал его голос, глубокий и мягкий:

– Скажи, а тебе их не жалко?

– Кого – их?

– Людей, людей. Гэндальф! Я понял – ты тут из соображений высшей пользы приговорил к смерти Мордорскую цивилизацию. Но ведь цивилизация – это прежде всего ее носители. Следовательно, их тоже следует уничтожить – да так, чтобы на развод не осталось. Или нет?

– Жалость – плохой советчик, Саруман. Ты ведь вместе со всеми нами глядел в Зеркало. – С этими словами Гэндальф указал на стоящий посреди стола предмет, более всего напоминающий огромное блюдо, наполненное ртутью. – В Будущее ведет много дорог, но по какой бы из них ни пошел Мордор, он не позднее чем через три века прикоснется к силам природы, обуздать которые не сможет уже никто. Не хочешь ли ещё разок поглядеть, как они в мгновение ока обращают в пепел всё Средиземье вкупе с Заокраинным Западом?

– Ты прав, Гэндальф, и отрицать такую возможность было бы нечестно. Но тогда тебе следует заодно уничтожить ещё и гномов: они уже однажды разбудили Ужас Глубин, и тогда всей нашей магии едва хватило на то, чтобы не дать ему вырваться на поверхность. А ведь эти бородатые скопидомы, как тебе известно, обладают ослиным упрямством и совершенно не склонны учиться на своих ошибках...

– Хорошо, оставим то, что лишь возможно, и поговорим о том, что неизбежно. Если не хочешь заглядывать в Зеркало, посмотри вместо этого на столбы дыма от их угольных печей и медеплавильных заводов. Пройдись по солончаку, в который они превратили земли к закату от Нурнона, и попробуй-ка сыскать на этой полутьсяче квадратных миль хоть одну живую былинку. Только смотри не попади туда в ветреный день, когда пересоленная пыль несется сплошной стеной по Мордорской равнине, душая на своем пути всё живое... Всё это они – заметь! – успели натворить, едва вылезши из

колыбели; как ты полагаешь, что они начнут выделывать дальше?

– Так ведь ребенок в доме, Гэндалф, это всегда сплошной разор: сначала испачканные пеленки, потом поломанные игрушки, дальше разобранные отцовские часы, а уж что начинается, когда он подрастет... То ли дело дом без детей – чистота и порядок, глаз не отведешь; только вот хозяев это обычно не слишком радует, и чем ближе к старости – тем меньше.

– Меня всегда изумляло, Саруман, как ловко ты умеешь выворачивать чужие слова наизнанку и хитрой казуистикой опровергать очевидные истины. Только на сей раз, клянусь Чертогами Валинора, номер не пройдет! Средиземье – это множество народов, живущих сейчас в ладу с природой и с заветами предков. Этим народам, всему укладу их жизни, грозит смертельная опасность, и я вижу свой долг в том, чтобы опасность эту предотвратить любой ценой. Волк, таскающий овец из моего стада, имеет свои резоны поступать именно так, а не иначе, но я входить в его положение совершенно не намерен!

– Я, между прочим, озабочен судьбой гондорцев и рохирримов не меньше твоего – просто вперед заглядываю чуть дальше, чем ты. Тебе ли, члену Белого Совета, не знать, что совокупное магическое знание в принципе не может прирастать относительно того, что было некогда получено из рук Ауле и Оромэ: ты можешь утрачивать его быстрее или медленнее, но повернуть этот процесс вспять не в силах никто. Каждое следующее поколение магов будет слабее предыдущего, и рано или поздно люди останутся с Природой один на один. Вот тогда-то им и понадобятся Наука и Технология – если, конечно, ты к тому времени не изведешь всё это под корень.

– Им вовсе не нужна твоя наука, ибо она разрушает гармонию Мира и иссушает души людей!

– Должен тебе заметить, что в устах человека, собирающегося развязать войну, разговоры о Душе и Гармонии звучат несколько двусмысленно. Что же до науки, то она опасна вовсе не им, а тебе, точнее – твоему больному самолюбию. Ведь мы, маги, в конечном счете лишь потребители созданного предшественниками,

а они – творцы нового знания; мы обращены лицом к прошлому, они – к будущему. Ты некогда избрал магию – и потому никогда не переступишь границы, предначертанной Валарами, тогда как у них, в науке, рост знания – а потому и могущества – поистине беспределен. Тебя гложет самый страшный сорт зависти – зависть ремесленника к художнику... Ну что ж, это и вправду веская причина для убийства; не ты первый, не ты последний.

– Ты ведь и сам в это не веришь, – спокойно пожал плечами Гэндальф.

– Да, пожалуй что не верю... – печально покачал головой Саруман. – Знаешь, те, кем движет алчность, жажда власти, ущемленное самолюбие, – это ещё полбеды, у них по крайней мере случаются угрызения совести. Но нет ничего страшнее ясноглазого идеалиста, решившего облагодетельствовать человечество: такой весь мир зальет кровью по колено и не поморщится. А больше всего на свете эти ребята обожают присказку «Есть вещи поважнее мира и пострашнее войны». Тебе ведь она тоже знакома, а?

– Я беру на себя эту ответственность, Саруман; История меня оправдает.

– О, в этом-то я как раз не сомневаюсь – ведь историю эту будут писать те, кто победит под твоими знаменами. Тут есть испытанные рецепты: Мордор надо будет превратить в Империю Зла, желавшую поработить всё Средиземье, а тамошние народы – в нежить, разъезжавшую верхом на волках-оборотнях и питавшуюся человечиною... Только я сейчас не об истории, а о тебе самом. Позволь-ка мне повторить свой бестактный вопрос о людях – хранителях знаний мордорской цивилизации. То, что их надо будет убивать – не фигурально, а вполне натурально – сомнений не вызывает: «сорняк должен быть выполот до конца», иначе эта затея вообще бессмысленна. Так вот, мне интересно – хватит ли у тебя духу поучаствовать в этой «прополке» лично; да-да, именно так – будешь ли ты своими руками отрубать им головы?.. Молчишь... Вот всегда с вами так, с радетелями за Человечество! Сочинять проекты об «Окончательном решении мордорского вопроса» – это всегда пожалуйста, а как доходит до

дела – сразу в кусты: вам подай исполнителей, чтоб было потом на кого кивать, скрививши морду, – это всё, дескать, ихние «эксцессы»...

– Кончай эту демагогию, Саруман, – с раздражением бросил один из сидящих, в синем плаще, – и погляди-ка лучше в Зеркало. Опасность очевидна даже слепому. Если не остановить Мордор сейчас, мы не сможем этого сделать никогда: через полста лет они завершат свою «промышленную революцию», додумаются, что смеси селитры можно использовать не только для фейерверков, – и тогда пиши пропало. Их армии станут непобедимы, а прочие страны наперегонки кинутся заимствовать их «достижения» со всеми отсюда вытекающими... Если тебе есть чего сказать по делу – давай говори.

– До тех пор, пока белый плащ Главы Совета ношу я, вам придется выслушивать всё, что я сочту нужным, – отрезал тот. – Впрочем, я не стану касаться того, что, вознамерившись вершить судьбу Мира, вы – четверо – узурпируете право, которое магам никогда не принадлежало: вижу, что это бесполезно. Будем говорить на доступном для вас уровне...

Позы его оппонентов составили выразительную групповую пантомиму «Возмущение», но Саруман уже послал куда подальше всякую дипломатичность.

– С чисто технической точки зрения план Гэндальфа по удушению Мордора посредством затяжной войны и продовольственной блокады вроде бы неплох, но имеет один уязвимый пункт. Чтобы победить в такой войне (а она будет очень тяжелой), антимордорской коалиции не обойтись без мощного союзника, для чего предлагается разбудить силы, дремлющие с предыдущей, дочеловеческой Эпохи – обитателей Зачарованных лесов. Это уже само по себе безумие, ибо они никогда не служили никому, кроме самих себя. Вам, однако, и этого мало. Чтобы сделать победу гарантированной, вы решили на время войны передать в их руки Зеркало: ведь прогнозировать с его помощью военные операции вправе лишь тот, кто сам будет в них участвовать. Это – безумие в квадрате, но я готов рассмотреть и этот вариант, если коллега Гэндальф внятно ответит на единственный вопрос: каким способом он собирается потом вернуть Зеркало обратно?

– Я полагаю, – небрежно взмахнул рукою Гэндальф, – что проблемы следует решать по мере их возникновения. Почему вообще мы должны исходить из того, что они не пожелают возвращать Зеркало? За каким чертом оно им сдалось?

Наступило молчание; то есть такой беспредельной глупости Саруман и вправду не ожидал. А эти все, значит, считают, что так и надо... Ему показалось, будто он барахтается в ледяной каше мартовской полыньи; ещё миг – и его утащит течением под ее кромку.

– Радагаст! Может, ты хочешь чего-нибудь сказать? – Это прозвучало как призыв о помощи.

Коричневая фигура вздрогнула, будто ученик, застигнутый воспитателем за списыванием домашнего задания, и неловко попыталась прикрыть рукавом плаща что-то на столе перед собой. Послышалось возмущенное стрекотание, и по руке Радагаста стремительно взбежал бельчонок, с которым тот, как видно, играл на протяжении всего совета. Он уселся было на плече у мага-лесовика, но тот, смущенный донельзя, прошептал ему что-то, нахмуря седую кустистую бровь, и зверек беспрекословно юркнул куда-то в складки одеяния.

– Саруман, голубчик... Ты уж прости меня, старого, я того... не очень, одним словом, вникал... Вы только не ссорьтесь, ладно?.. Ведь ежели ещё мы начнем промеж собой собачиться, что ж в мире-то начнется, а? То-то... А насчет этих, ну, из Зачарованных лесов, ты уж, не обижайся, слишком... того... Я, помню, в молодости-то видал их, вестимо, издали – так по моему разумению они вполне даже ничего; конечно, со своей заумью – а кто без нее? Ну и с птахами да зверушками они завсегда душа в душу... не то что эти твои, мордорские... Я так себе мыслю, что оно вроде как и... того...

Вот так, резюмировал про себя Саруман и медленно провел ладонью по лицу – как будто пытался снять налипшую паутинку безмерной усталости. Единственный, на чью поддержку можно было рассчитывать. Бороться уже не было сил; всё кончено – он подо льдом.

– Ты остался не в меньшинстве, а в полном одиночестве, Саруман. Конечно, все твои соображения крайне ценны для нас. – Теперь голос Гэндальфа был

преисполнен фальшивого почтения, просто-таки сочился им. – Давайте сейчас же обсудим, как быть с Зеркалом, – это и впрямь непростой вопрос...

– Теперь это твои проблемы, Гэндальф, – тихо, но твердо ответил Саруман, расстегивая мифриловую пряжку у ворота. – Ты давно уже домогаешься Белого плаща – ну так возьми его. Делайте всё, что находите нужным, а я выхожу из вашего Совета.

– Тогда твой посох утратит силу, слышишь! – прокричал ему в спину Гэндальф: видно было, что он по-настоящему ошарашен и перестал понимать своего вечно-го соперника.

Саруман, обернувшись, оглядел напоследок сумрачный зал Белого Совета. Край белоснежного плаща стекал с кресла на пол как посеребренная луною вода в фонтане; мифрил застежки послал ему свой прощальный блик и погас. И застыл на полпути устремившийся за ним Радагаст с нелепо растопыренными руками – маг сделался вдруг маленьким и несчастным, как ребенок, оказавшийся втянутым в ссору родителей. Вот тогда-то с его уст и слетела фраза, опять-таки удивительным образом совпавшая с той, что была сказана по сходному поводу в другом Мире:

– То, что вы собрались совершить, – хуже чем преступление. Это ошибка.

А по прошествии нескольких недель разведслужба Мордора доложила, что на окраинах Северных лесов неведомо откуда появились «эльфы» – стройные золотоволосые существа с мелодичным голосом и замороженными до дна глазами.

ГЛАВА 5

Средиземье, Война Кольца. Историческая справка

Если читатель, минимально привычный к анализу крупных военных кампаний, обратится к карте Средиземья, он без труда убедится в том, что все действия обеих возникших коалиций (Мордорско-Изенгардской и Гондорско-Роханской) были в действительности подчинены неумолимой стратегической логике, в основе

которой лежал страх Мордора оказаться отрезанным от источников продовольственного снабжения. Усилиями Гэндальфа в центре Средиземья возник предельно неустойчивый геополитический «сэндвич», в коем роль «хлеба» играли Мордор и Изенгард, а «ветчины» – Гондор с Роханом. Ирония же судьбы заключалась в том, что Мордорская коалиция, не помышлявшая ни о чем, кроме сохранения статус-кво, имела идеальную позицию для агрессивной войны (когда можно сразу заставить противника сражаться на два фронта), но крайне невыгодную – для войны оборонительной (когда объединенные силы противника могут осуществить блицкриг, сокрушая партнеров по очереди).

Саруман, однако, тоже не терял даром времени. Он лично посетил Теодена и Денетора – королей Рохана и Гондора – и благодаря своему обаянию и красноречию сумел убедить их в том, что Изенгард и Барад-Дур не желают ничего, кроме мира. Кроме того, он частично открыл Денетору и Саурону секрет двух *палантиров*, что хранились с незапамятных времен в обеих столицах, и обучил их пользоваться этими древними магическими кристаллами как системой прямой связи; этот простенький ход существенно снизил недоверие между владыками-соседями. В Эдорасе при дворе Теодена начало работать изенгардское консульство во главе с Гримой – великолепным дипломатом, опытным разведчиком и мастером придворной интриги. Довольно долгое время между Саруманом и Гэндальфом шла осторожная позиционная борьба, ограниченная сферой династических отношений.

Так, сын Теодена Теодред, известный своим здравомыслием и умеренностью, при неясных обстоятельствах погиб на севере – якобы при нападении орков; в итоге наследником престола был объявлен королевский племянник Йомер – блестящий полководец, кумир молодых офицеров и, что вполне естественно, один из лидеров «партии войны». К несчастью для Гэндальфа, тот в разговорах со своими приятелями начал слишком уж откровенно примерять роханскую корону. Гримуе, располагавшему превосходной агентурой, не составило особого труда собрать всю эту пьяную болтовню в папочку и – через вторые руки – положить ее на стол Теодену.

В итоге Йомер был выключен из активной политики до такой степени, что Грима вообще перестал уделять ему внимание (что, как стало ясно позднее, было крупной ошибкой). В Гондоре удалось полностью подорвать позиции принца Боромира, тоже известного любителя помахать мечом, и удалить его от двора; тот, разобидевшись, отбыл на поиски приключений в северные земли (что имело довольно неприятные последствия – но опять-таки позднее). В общем и целом этот раунд остался за Саруманом.

И тем не менее, хотя все три короля отчетливо понимали, что «худой мир лучше доброй ссоры», положение оставалось предельно неустойчивым. Продовольственная ситуация в Мордоре медленно, но верно ухудшалась, так что безопасность проходящих через Итилиен торговых путей на Юг стала здесь тем самым, что называют «национальной паранойей». Тут любая провокация может вызвать лавинообразный процесс, а уж за этим-то дело не стало. И когда в районе итилиенского Перекрестка несколько караванов кряду было уничтожено невесть откуда взявшимися людьми, которые были одеты в зелёные гондорские плащи (хотя говорили они с отчетливым северным акцентом), ответ последовал «по полной программе».

Саруман, немедленно связавшийся с Сауроном через свой *палантур*, заклинал, умолял, угрожал – всё было тщетно: доводы разума перестали действовать, и король (власть которого в Мордоре была в общем-то номинальной) ничего уже не мог поделать с ополоумевшими от страха лавочниками из тамошнего парламента. И вот на рассвете 14 апреля 3016 года Третьей Эпохи мордорские войска силами в двести легковооруженных конников вступили в демилитаризованный, согласно недавнему договору с Гондором, Итилиен, «дабы обезопасить караванные пути от разбойников». Гондор в ответ объявил мобилизацию и взял под контроль Осгилиатскую переправу. Мышеловка захлопнулась.

И тогда Мордор совершил вторую ошибку... Впрочем, как и всегда в таких случаях, ошибочность стратегического решения можно установить лишь постфактум; приведи этот ход к успеху (а это было вполне

реально), он наверняка остался бы в анналах как гениальный. Короче, была предпринята попытка расколоть коалицию противника, выведя из игры Рохан, которого, вообще-то говоря, итилийская ситуация впрямую не касалась. С этой целью за Андуйн был переброшен экспедиционный корпус в составе четырех лучших полков мордорской армии. Корпус должен был скрытно пройти по северному краю роханских равнин, где, по данным разведки, не было регулярных сил противника, и соединиться с армией Изенгарда; риск был велик, но этим путем уже неоднократно проходили более мелкие подразделения. И если бы в тылу у рохирримов действительно возникла ударная группировка, способная за пять дневных переходов достичь Эдораса, то, без сомнения, и думать забыли бы о походах на Юг – день и ночь карауля выход из Хельмовой пади. С оставшимся же в одиночестве Гондором можно было бы начать поиск компромиссного решения по Итилиену.

Вот тут-то и сказало свое слово Зеркало; представьте-ка себе, что в ходе современной маневренной войны одна из сторон располагает данными космической разведки, а другая – нет. Находившийся фактически под домашним арестом Йомер получил через Гэндальфа исчерпывающую информацию о движении мордорцев и понял, что такой шанс полководец получает единожды в жизни. Воспользовавшись болезнью Теодена и своей огромной популярностью в войсках, он поднял по тревоге отборные роханские части и повел их на север; терять Йомеру теперь было нечего – в случае неудачи его, без сомнения, ожидала казнь за государственную измену.

Зеркало, однако, не подвело. Пятью днями спустя застигнутый на марше и не успевший даже толком перестроиться из походных колонн мордорский экспедиционный корпус был стремительно атакован скрытой до поры в Фангорнском лесу панцирной конницей рохирримов. Внезапный удар был сокрушителен; тем не менее значительная часть тяжелой пехоты (формируемой в основном из троллей) успела построиться в свои знаменитые «гранитные каре» и отбивалась несколько часов кряду, причем с большим уроном для атакующих. С наступлением сумерек они попытались

уйти в глубь Фангорна, надеясь в чаще оторваться от конных преследователей, однако все до единого полегли под отравленными стрелами эльфийских лучников, методично бивших из своих засидок в древесных кронах.

Победа обошлась рохирримам недешево, но зато элита мордорской армии, собранная в экспедиционном корпусе, перестала существовать; уйти удалось лишь орокуэнской легкой кавалерии. Йомер вернулся в Эдорас триумфатором, и Теоден принужден был сделать вид, будто всё идет по заранее согласованному плану. Одновременно королю были публично вручены доказательства того, что изенгардский консул ведет в столице Рохана разведывательную деятельность; этим, как известно, занимаются едва ли не все дипломаты от сотворения мира, однако Теодену, вынужденному теперь плыть в кильватере «партии войны», ничего не оставалось, кроме как объявить Гриму персоной нон грата.

А тем временем роханское войско, у коего ещё не выветрился из головы хмель фангорнской победы, запрудило площадь перед дворцом и, грохоча мечами о щиты, требовало от своего любимца Йомера вести их вперед – не важно куда. И когда тот вскинул над собою клинок, будто пронзая клонящееся к закату солнце – «На Изенгард!!!» – стоявший чуть в отдалении, в тени стенного контрфорса, Гэндальф понял, что заслужил, наконец, толику отдыха: дело сделано.

ГЛАВА 6

На юге тем временем шла «странная война». Хотя Оспилятская переправа трижды за эти два года переходила из рук в руки, ни одна из сторон не сделала никаких попыток развить успех и перенести боевые действия на другой берег Андуина. Да и сами эти боевые действия являли собою череду «благородных» поединков – не то рыцарский турнир, не то гладиаторское сражение: лучшие бойцы были поименно известны по обе стороны фронта, и ставки на них делались вне зависимости от патриотических чувств бьющихся об заклад; офицеры соревновались в учтивости и, перед

тем как проткнуть противника мечом, не забывали поздравить того с тезоименитством его монарха или иным престольным праздником. Диссонанс в эту возвышенную симфонию куртуазного человекоубийства вносили лишь отряды дунаданских «следопытов», слетевшихся сюда как осы на варенье; эти занимались в основном «диверсиями на коммуникациях противника», а попросту говоря – грабежом караванов. Мордорцы считали эту публику не вражескими воинами, а просто разбойниками, с коими в военное время разговор короткий, так что немалое число их повисло на раскидистых дубах вдоль Итилиенского тракта; северяне при случае платили мордорцам той же монетой. Легко догадаться, что в глазах попавших на фронт работяг вроде Цэрлэга вся эта «война» выглядела полным дурдомом.

Фангорнское сражение круто изменило ситуацию. Армии Мордора и Изенгарда и без того-то почти втрое уступали в численности объединенным силам Гондорско-Роханской коалиции. После гибели экспедиционного корпуса возможности оборонительной стратегии оказались для Мордора полностью исчерпанными: удержать Итилиен имеющимися у него силами было теперь невозможно. Их, конечно, с лихвой хватило бы на оборону крепостей, запирающих проходы в Хмурых и Пепельных горах, однако что в том проку? Гондорцам и рохирримам не было бы никакой нужды штурмовать их – достаточно просто поддерживать блокаду и ждать, пока Мордор капитулирует – или умрет от голода. Трезво просчитав комбинацию, в Барад-Дуре поняли, что есть один-единственный шанс разорвать этот удушьющий захват.

До тех пор, пока в тылу у рохирримов остается невзятый Изенгард, те наверняка не решатся перебросить войска на юго-восход, за Анориен. Хотя армия Изенгарда невелика, взять его очень непросто, ибо отсталый Рохан не располагает серьёзной осадной техникой. Следовательно, в распоряжении Мордора имеется запас времени – минимум полгода. За этот срок необходимо под прикрытием вялотекущей войны в Итилиене собрать в кулак все силы, какими только располагает держава: провести всеобщую мобилизацию, прикупить

наемников, получить войска от союзников – вастаков и особенно харадримов. Затем следует внезапно обрушить всю эту мощь на временно лишенный роханской помощи Гондор и сокрушить его армию в режиме блицкрига – после чего выйти из войны по известной схеме «мир в обмен на земли» (сохранив за собой итилиенский Перекресток). Риск огромен, но выбирать-то не из чего!

Зеркало оценило этот план как имеющий весьма приличные шансы на успех. Гэндальф кусал локти – война на северо-закате тем временем шла вовсе не так успешно, как он ожидал. Правда, Йомеру, совершившему стремительный марш на Закат, удалось овладеть стратегически важной Хельмовой падьью, выиграв кровопролитное сражение при Хорне, и прорваться в долину Изена. В действительности, однако, эта победа рохирримов была пирровой: потери наступавших оказались столь велики, что о штурме самого Изенгарда теперь нечего было и думать; оставалась лишь осада – именно то, к чему сейчас подталкивал их Мордор.

Выход нашли эльфы. Подойдя к Изенгарду, рохирримы с изумлением узрели на его месте сверкающее под закатными лучами водное зеркало, из которого нелепо, будто коряга из болота, торчала изенгардская цитадель Ортханк. Эльфы решили проблему радикально – разрушили ночью плотины на Изене и утопили спящий город вместе со всеми его защитниками. Ужаснувшийся Гэндальф с кипящим от ярости Йомером (на дне искусственного озера оказались все богатства Изенгарда, которые, собственно, и составляли цель похода рохирримов) поехали к эльфам – разбираться.

...Назад они вернулись затемно, в высшей степени немногословными и избегающими глядеть друг на дружку. Йомер, в ответ на недоуменные вопросы своих офицеров – следует ли праздновать победу? – бросил: «Как хотите», и удалился в свою палатку, где в полном одиночестве напился до остекленения, чего за ним раньше не водилось. Гэндальф зачем-то поспешил к Ортханку и пытался переговорить с затворившимся там Саруманом, получил ледяной отказ и теперь, обессиленно сгорбившись, сидел у воды, наблюдая за переливами

лунной дорожки... В конечном счете эльфы, наверное, правы – главное сейчас развязать себе руки на севере и вести рохирримов на юг... Только вот Зеркало... Неужели этот чистоплюй Саруман был тогда прав?.. Нет, об этом лучше не думать... В любом случае пути назад уже нет... И этот следопыт-дунадан, как бишь его – Арагорн? Арахорн? Зачем это, интересно, он вдруг понадобился эльфам?..

А война на юге тем временем набирала ход. Конечно, войсковые перемещения такого масштаба, как затеянные Мордором, не скроешь от разведки противника – даже если бы тот не располагал Зеркалом. Гондор тоже начал было стягивать к Минас-Тириту войска своих союзников из Анфаласа, Этира, Дол-Амрота, однако Мордор осуществил развертывание раньше. Успешно проведя отвлекающий удар на севере – общим направлением на Лориен и далее на Эсгарот – и сковав там основные силы эльфов, мордорская армия всей мощью обрушилась на Гондор. Осгилиат был захвачен с ходу; шестью днями спустя победоносная Южная армия, опрокинув и рассеяв превосходящие ее по общей численности, но бестолково расположенные гондорские части, стояла со всей своею осадной техникой под стенами так и не успевшего изготавиться к обороне Минас-Тирита; мощные Пеленнорские укрепления были перед этим взяты штурмом буквально за пару часов. И когда в покоях Денетора вдруг ожил *палантир* и Саурон предложил немедленный мир в обмен на признание за Мордором права на ограниченное военное присутствие в Итилиене, король Гондора тут же согласился – вполне резонно полагая, что ухитрился выменять телку на цыпленка. А вот дальше началось нечто непонятное.

На следующий день в Сауроном *палантире* возник человек в белом плаще, представившийся Митрандиром, военным комендантом Минас-Тирита. Подписание мира, к сожалению, придется отложить на несколько дней, поскольку король Гондора внезапно занемог. Почему переговоры ведет не Фарамир? О, принц находится буквально между жизнью и смертью – ранен в бою отравленной стрелой... То есть как это – чьей?! У мордорской армии вообще нет на вооружении отравленных

стрел? Гм... Честно говоря, он не в курсе... А принц Боромир, увы, вот уже несколько месяцев как считается погибшим где-то на севере. Одним словом, следует обождать с неделку, пока король не одолеет свой недуг; да-да, пустая формальность...

И мордорцы стали ждать. Война выиграна, скоро по домам: оно конечно, дисциплина – дело святое, но уж по случаю победы-то?.. А?.. В конце концов, если Изенгард падет, а рохирримы повернут на юг, Саруман даст знать, так что даже в самом пиковом варианте времени на подготовку к встрече – выше крыши... Знать бы им, что *палантир* Сарумана молчит оттого лишь, что давным-давно перебежавший к победителям Грима прихватил его с собою в качестве приданого, а армия Рохана находится уже в трех дневных переходах.

ГЛАВА 7

*Гондор, Пеленнорские поля.
15 марта 3019 года*

Мордорцы поняли, что их обвели вокруг пальца, лишь когда на северном обрезе белоснежного туманного пледа, укрывшего Пеленнорские поля, стала расплываться бурая клякса роханского войска, а из отверзшихся ворот Минас-Тирига хлынул поток гондорских воинов, тут же застывающий в боевых порядках. Ярость устроила силы обманутых «победителей»; они обрушились на гондорцев так, что обратили тех в бегство, прежде чем подоспели рохирримы, и едва не ворвались на их плечах в город. Утомленная долгим переходом панцирная конница Рохана не оправдала надежд: она оказалась малоподвижной, и легкие конники-орокуэны спокойно засыпали ее тучами стрел, легко уклоняясь от ближнего боя. И хотя Южная армия Мордора почти двукратно уступала противнику в численности и была к тому же захвачена врасплох, чаша весов начала отчетливо клониться на ее сторону.

Вот тут-то в тылу мордорцев, на юго-восточном краю Пеленнорских полей, и появились свежие части врага – только что высадившиеся с прошедших по

Андуину кораблей: десант был не слишком многочисленным, и мордорский главнокомандующий не придавал значения первым паническим рапортам – «*этих* невозможно убить!». Бой между тем закипел с новой силой. На северном краю поля лучники-умбарцы и искусно маневрирующая орокуэнская конница совершенно сковали действия роханских латников; на закатном направлении боевые мумаки харадримов вновь опрокинули и рассеяли гондорскую пехоту, а инженерные части за десять минут разбили вдребезги хваленые – якобы «мифриловые» – городские ворота и начали катапультную бомбардировку внутренних укреплений. И лишь на юго-восходе творилось что-то неладное: высадившиеся с кораблей части двигались вперед как нагретый нож сквозь масло; когда командующий Южной армией появился на участке прорыва, глазам его представилась вот такая картина.

По полю в полном молчании неспешно двигалась фаланга глубиною в шесть рядов, примерно по сто человек в ряд. Воины, одетые в серые плащи с опущенными на лицо капюшонами, были вооружены лишь длинными узкими эльфийскими мечами; ни лат, ни шлемов, ни даже щитов у них не было. В облике бойцов из первых рядов было нечто совершенно несуразное, и командарму понадобилось несколько секунд, прежде чем он сообразил, в чем дело: они были буквально утыканы трехфутовыми умбарскими стрелами, но шагали себе как ни в чем не бывало... Командовал серыми держащийся позади них всадник в шлеме с глухим забралом, одетый в поношенный маскировочный плащ дунаданского следопыта. Солнце стояло почти в зените, однако всадник отбрасывал длинную угольно-черную тень; у фаланги тени не было вовсе.

Командарму-Юг тем временем доложили, что строй этих воинов нельзя прорвать ни конницей, ни боевыми мумаками – животные при виде их приходят в такой ужас, что управлять ими становится невозможно. Неуязвимая фаланга тем временем продолжала пробиваться на северо-закат – по счастью, не слишком быстро и крайне прямолинейно. Троллийским панцирным пехотинцам удалось несколько затормозить ее продвижение, а тем временем инженеры успели перетащить сюда

от стен две батареи полевых катапульти. Расчет командующего был точен: в предугаданный им момент фаланга оказалась в обширной отлогой западине, и тогда уставленные на ее гребне катапульти открыли ураганную стрельбу с загода просчитанных дистанций и углов. Трехведерные кувшины с нефтью в мгновение ока обратили западину в извергающийся вулкан, и победный клич мордорцев взлетел под самый купол холодного мартовского неба.

Взлетел – и тут же оборвался, ибо из полопавшихся черно-оранжевых пузырей нефтового пламени вновь возникли надвигающиеся шеренги серых воинов. Плащи их тлели и дымились, а у некоторых горели ярким пламенем: горели и древки застрявших в их телах стрел. Вот один из этих живых факелов – четвертый справа в первой шеренге – вдруг замер и начал разваливаться на куски, подняв целый сноп искр: соседи упавшего тотчас же сомкнули строй. Стало видно, что бомбардировка не прошла для серых даром: в центральной части западины, куда пришелся основной удар, было раскидано не меньше полусотни таких дымящихся головешек: некоторые из них, однако, не оставляли попыток встать и двинуться вперед.

Командующий резко ударил кулаком по луке седла – сейчас боль вернет его в реальный мир и в просыпающемся мозгу за считанные минуты истают бледнеющие ошметья этого ночного кошмара... Хрена!.. Он по-прежнему стоит у края выжженной западины на Пеленнорских полях, а его воины, готовые идти за ним в огонь и воду, сейчас обратятся в беспорядочное бегство – ибо происходящее просто *не по их части*. И тогда он, не раздумывая более, вскинул над голову ятаган и с громовым криком: «Мордор и Око!!!» бросил своего аргмака в карьер, огибая серый строй с правого его фланга – ибо именно сюда сместился по каким-то своим соображениям дунадан в шлеме с глухим забралом.

Когда командарм-Юг сблизился с фалангой, конь вдруг захрапел и, встав на дыбы, едва не выбросил его из седла. Только тут он разглядел как следует вражеских воинов и понял, что многочисленные сегодняшние «паникеры» не ввали. Это и вправду были ожившие

мертвецы: благообразные пергаментные мумии с тщательно зашитыми глазами и ртом; чудовищно раздутые, сочащиеся зелёноватой слизью утопленники; скелеты в лохмотьях почерневшей кожи, причину смерти которых не взялся бы определять ни один патологоанатом. Мертвецы уставились на него, и молчание нарушил негромкий леденящий душу звук: так хрипит овчарка, перед тем как кинуться на врага и вцепиться ему в горло. Командующему, однако, просто некогда было ужасаться – ибо от правого заднего угла фаланги уже отделился десяток серых, с явным намерением перекрыть ему путь к замершему в нерешительности дунадану, так что он вновь пришпорил аргамака.

Цепочку мертвяков он преодолел с удивившей его легкостью: оказалось, они не слишком проворны и в схватке один на один особой опасности для бойца его уровня не представляют. Удавленник с торчащим наружу языком и выпученными полувытекшими глазами едва успел поднять меч, как командарм-Юг одним молниеносным проворотом кисти в горизонтальной плоскости перерубил ему запястье держащей оружие руки, после чего аккуратно развалил серого почти напополам – от правого плеча наискось вниз. Остальные почему-то подались в стороны, не делая более попыток задержать его. Дунадан между тем явно прикидывал – драться или бежать, но, сообразив, что в таком гандикапе ему не светит, решительно спешился, обнажив эльфийский меч. Вот, значит, ты как... Ну что ж, не хочешь верхами – будь по-твоему. Прокричав традиционное: «Защищайтесь, прекрасный сэръ!», командующий Южной армией легко спрыгнул с коня, подумав мельком, что навряд ли этот северный разбойник заслуживает обращения «сэръ». Фаланга тем временем отошла уже ярдов на сто и продолжала удаляться; семеро мертвяков замерли в отдалении, не сводя своих незрячих глаз с поединщиков; настала звенящая тишина.

Вот в этот самый миг он с внезапной, удивившей его отчетливостью осознал, что поединок этот решит судьбу не только нынешнего сражения, но и всего Средиземья на много-много лет вперед. И ещё внутренний голос с какой-то странной умоляющей интонацией произнес: «Пока не поздно, прорчитай ситуацию! Ну

пожалуйста, просчитай!» – как будто пытался его предостеречь и не знал – как. Но ведь он и так уже всё прикинул!.. Доспехи у них у обоих легкие, а по такому раскладу изогнутый ятаган всегда даст сто очков вперед прямому закатному мечу; парень вроде не левша – тут особых сюрпризов не предвидится; конечно, верхом было бы сподручнее, ну да не будем крохоборами... Чего тут ещё просчитывать – как говорится, наливай да пей!

Дунадан ожидал стоя на месте, почему-то не пытаясь маневрировать: колени чуть согнуты, вертикально поднятый меч держит обеими руками, эфес на уровне пояса; всю давешнюю его неуверенность как рукой сняло. Командарм быстро сократил дистанцию шагов до семи, приблизившись почти вплотную к радиусу полного выпада северянина, и начал обманные движения: корпус вправо – корпус влево, затем применил свой излюбленный отвлекающий маневр – молниеносно перебросил ятаган по воздуху из правой руки в левую – и обратно...

Страшный удар в спину швырнул его наземь. Он, правда, сумел извернуться набок («Так, позвоночник цел...»), приподнял голову и как-то совсем уже отстраненно подумал: «Да, недооценил я их... оказывается, эти мертвяки могут двигаться очень быстро, а главное – бесшумно... Северный подонок...» Удивительно, но он все же привстал на одно колено, опершись на ятаган как на костыль; мертвецы, успевшие окружить его со всех сторон, застыли с поднятыми мечами в ожидании команды следопыта. Тот, однако, не спешил: сдвинув шлем на затылок и жуя соломинку, он с интересом разглядывал поверженного врага. Затем в тишине прозвучал его негромкий спокойный голос:

– Добро пожаловать, командарм-Юг! Я знал, что ты придешь сразиться один на один, как это принято у вас, у благородных, – губы его скривила усмешка, – и опасался лишь одного: что ты не спешишься вслед за мною. Останься ты в седле, всё могло бы пойти иначе... Рад, что я не ошибся в тебе, «прекрасный сэр».

– Ты победил обманом.

– Глупец! Я пришел сюда, чтобы выиграть эту войну и гондорскую корону, а не какой-то дурацкий

поединок. Тулкас свидетель – я множество раз играл в орлянку со смертью, но всегда ради результата, а не ради процесса.

– Ты победил обманом, – повторил командарм, стараясь не закашляться – кровь из пробитых легких медленно заполняла его рот. – Рыцари Заката – и те больше не подадут тебе руки.

– Конечно, не подадут, – рассмеялся дунадан, – потому что будут стоять, преклонив колена, перед новым королем Гондора. Я победил тебя в честном бою, один на один – так, во всяком случае, будет записано во всех летописях. А вот от тебя не останется даже имени – об этом я тоже позабочусь. Или, знаешь, – он замер в полупороте, лоя стремя, – можно сделать ещё интереснее: пускай тебя убьет карлик; во-от такусенький заморыш... с мохнатыми лапками. Или баба... Да, пожалуй, именно так мы и сделаем.

С этими словами он взлетел в седло и, коротко махнув своим мертвецам, тронул коня вслед за ушедшей далеко вперед фалангой. Один только раз он недовольно оглянулся – догоняют? нет? Те, однако, всё ещё стояли, столпившись в кружок, и мечи их взлетали и опускались, как крестьянские цепи.

ГЛАВА 8

А сражение меж тем шло своим чередом. Мордорские части и вправду дрогнули и расступались теперь перед строем мертвецов без боя, однако в юго-восточной части поля не оказалось других частей Закатной коалиции, способных ворваться в проделанную Арагорном брешь. К тому же схватка у западины показала, что серых нельзя считать «неуязвимыми»: убить их крайне трудно, но все-таки можно. А временно оказавшаяся без командирского присмотра фаланга всё шла и шла себе вперед – пока не забрела чистым случаем в зону досягаемости стационарных дальнобойных катапульта, предназначенных для обстрела Минас-Тиритской цитадели. Мордорские инженеры не растерялись и тут же открыли огонь зажигательными нефтовыми снарядами – только уже не трехведерными кувшинами, а сорокаведерными бочками.

Поражаемая чудовищными огненными смерчами, не видя противника – тот бил с закрытой позиции, – фаланга тупо лезла вперед, с каждым шагом углубляясь в сектор эффективного поражения, так что, когда подскакавший на взмыленном коне Арагорн скомандовал немедленный отход, ей пришлось проделать весь этот убийственный путь по второму разу.

На сей раз потери были столь велики, что дунадан решил, пока не поздно, пробиваться к основным силам, на закат; это, впрочем, тоже оказалось не так-то просто. Орокуэнские конники теперь вились вокруг изрядно растрепанной фаланги точно пираньи, мастерски выдергивая арканами мертвецов из шеренг – особенно из задних, – отволакивали их в сторонку и там методично рубили на мелкие куски. Пытаясь отбить захваченных товарищей, серые вынуждены были ломать ряды, что ещё ухудшало их и без того незавидное положение. И тут надо воздать должное Арагорну: он сумел восстановить сомкнутый строй и, огрызаясь короткими контратаками, провел-таки своих бойцов до гондорских боевых порядков, лично срубив по пути двух мордорских офицеров. Правда, последние полтора ярда им опять пришлось преодолевать под огнем полевых катапульта, так что в итоге к гондорцам пробились (едва не обратив в бегство их самих) лишь несколько десятков оживших мертвецов.

Итак, серая фаланга Арагорна практически погибла, однако дело свое сделала. Во-первых, она оттянула на себя значительные силы мордорцев и прежде всего катапульты, без которых взять внутренние укрепления Минас-Тирита так и не удалось. Важнее, однако, оказалось иное: после гибели командарма-Юг лишенная общего руководства Южная армия дала втянуть себя в схватку «лоб в лоб», на взаимное истребление – вариант, являющийся при численном перевесе противника заведомо проигрышным. Тем не менее мордорцы продолжали биться умело и отчаянно: мартовский день уже склонился к закату, а Коалиция так и не сумела реализовать свое почти двукратное преимущество. Основные события разыгрывались на северном направлении, где троллийские латники

и умбарские лучники, несмотря на большие потери, так и не дали рохирримам взломать свои оборонительные порядки.

...Йомер медленно ехал вдоль строя роханской и дол-амротской конницы, только что откатившейся назад после очередной – вот уже четвертой за этот день – безрезультатной атаки. Впрочем, назвать «строем» это угрюмое скопище частью раненых и поголовно измученных до последнего предела людей и лошадей было весьма затруднительно. Он как раз пытался выправить забрало своего шлема, вмятое ударом харадримской булавы, когда ему доложили, что в последней схватке в числе прочих пал и Теоден. После победоносного Изенгардского похода старик вбил себе в голову, будто Йомер непременно воспользуется грядущей славой победителя Мордора и лишит его короны, а потому следует держать племянника под неусыпным присмотром. По этой причине он лично возглавил роханский поход на юго-восход, а перед самым сражением и вовсе отстранил популярного военачальника от руководства войсками. Король твердо решил победить в этой битве лично, «без сопливых», и, не слушая никаких советов по поводу тактики, угробил в бессмысленных лобовых атаках цвет роханского войска, а теперь вот погиб и сам.

Принявший командование Йомер озирает угрюмые ряды рохирримов, коченеющих под пронзительным мартовским ветром: он чувствовал себя врачом, которому милостиво позволили приняться за лечение, когда больной уже впал в кому. Самое обидное – мордорская армия пребывает в точно таком же, если не в худшем состоянии; опыт и безошибочное чутье полководца подсказывали ему, что сейчас один-единственный стремительный натиск решил бы исход сражения. Он ясно видел слабые места в оборонительных порядках противника, отлично представлял себе, куда следует нанести удар и как затем развивать успех – но знал при этом и другое: он сейчас не посмеет дать своим людям команду «Вперед!». Ибо есть железный закон: приказ можно отдавать лишь в том случае, когда ты уверен, что его станут исполнять, иначе – конец всему, на чем стоит армия. А этих – он ощутил с полной

отчетливостью – сегодня в атаку больше не поднимешь; бесполезняк.

И тогда он остановил коня, велел всем спешиться – чтобы его видело побольше народу – и завел такую вот, странноватую для воина, речь:

– Все мы смертны, парни: чуть раньше, чуть позже – какая, хрен, разница? По мне, так интереснее, чего с нами приключится потом. Вы небось решили – командир ваш совсем схренел, нашел время, чтоб порассуждать о загробной жизни; а вот по мне – так самое время и есть. Когда ж ещё-то? Мы ведь с вами ребята простые – живем в лесу, молимся колесу; пронесло – и думать забыл до следующего раза... А мнения тут, парни, бытуют широко разные, но насчет одного вроде бы согласны все: там каждому воздается по его вере. Одним словом, ежели кто думает, что вот сгнил его труп – и ничего в Мире не осталось, окромя пригоршни праха, то именно так с ним и будет. В иных верах и ещё того краше: будешь, к примеру, до посинения слоняться в виде тени по подземному царству – чем такая жизнь, лучше уж и вправду сгнить нахрен вместе со своей телесной оболочкой. Кое-кто собирается до окончания веков возлечь на зелёной травке в чудесном саду, пить божественный нектар и играть на лютне; неплохо, только, на мой вкус, скучновато. Но есть, парни, в Восходных странах замечательная вера – мне тут на днях поведал о ней один бродячий проповедник; то есть она вообще очень неплохо – без дураков! – но уж тамошний рай – это в аккурат по мне.

Огляделся – вроде слушают – и продолжил:

– Небесные чертоги, в них пир – куда там королевской свадьбе, вино – как из кладезя, но гвоздь программы, парни, – это такие гурации. Девки, которым вечно восемнадцать, красоты неопишуемой... Про ихние достоинства – тут всякий сможет убедиться от и до, поскольку всей одежи на них – по золотому браслету. Ну а уж насчет потрахаться – на земле таких искусниц и близко не бывало!.. Но есть одна загвоздка: путь в этот чертог наслаждений открыт только людям праведной и безгрешной жизни; нас с вами, – он развел руками, – туда и на порог не поустят...

По рядам прошла слабая, но отчетливая рябь, возник и замер недовольный гул, кто-то в сердцах сплюнул –

и тут надули! Но Йомер вскинул руку – и вновь настала тишина, нарушаемая лишь безжизненным шелестом прошлогодней травы.

– Вернее сказать – не пустили бы, но одна лазейка для таких раздолбаев, как мы с вами, всё ж таки оставлена. В этой замечательной вере всякому, кто с честью пал в битве за правое дело – а кто посмеет сказать, что наше дело не правое? – все грехи списываются, и его с ходу причисляют к праведникам. Так что ежели кто решил войти в тот рай посредством будущей безгрешной жизни – флаг вам в руки, ребята! Я лично на такое не надеюсь, а потому собираюсь свести знакомство с гуранями здесь и теперь в качестве доблестно павшего – это когда ж ещё представится такой случай? Так что приглашаю с собою всех, кто хочет и может, а прочим – счастливо оставаться!

Тут он привстал в стременах и громовым голосом воззвал куда-то ввысь, приложивши ко рту рупором латную рукавицу:

– Э-ге-гей, девки!!! А ну отворяйте ваш небесный бордель, хоть время и неурочное! Готовьтесь принять три лучших полка роханской кавалерии – ставлю голову против поломанной стрелы, что этих клиентов вы не забудете до старости! Нам пора в атаку, так что будем у вас на небесах минут через десять – как раз чтоб вам подмыться!

И случилось чудо – люди вдруг начали оживать! В рядах послышались смех и замысловатая брань; с правого фланга поинтересовались – можно ли на гурании словить триппер и если да, то долго ли его лечат в тамошнем раю? Подъехавший тем временем поближе к Йомеру дол-амротский князь Имрахиль – черноусый красавец, известный своими амурными похождениями, – адресовался к молоденькому левофланговому, зардевшемуся как маков цвет:

– Не тушуйся, корнет! Знающие люди говорят, будто в том заведении можно сыскать красотку на любой вкус. Для тебя там небось припасен целый табун романтических барышень – ждут не дождутся, чтобы ты почитал им стихи при луне!

Юноша под общий хохот покраснел ещё сильнее и сердито сверкнул глазами из-под пушистых, совершенно

девичьих ресниц. Йомер же тем временем крутанул коня так, что из-под копыт веером разлетелись земляные комья, и взмахнул рукой:

– По коням, ребята!! Тамошняя мадам уже небось послала за лучшим вином для новых клиентов. Клянись хохотом Тулкаса, каждый из вас сегодня получит столько нурнонского, что сможет в нем утопиться – кто на небесах, кто на земле! Павших угостят Валары, живых – король Рохана. За мно-о-ой!!!

С этими словами он отшвырнул куда-то за спину изуродованный шлем и, не оглядываясь более, погнал коня вперед, к тому самому месту, где его наметанный глаз приметил в несокрушимом частоколе троллийской панцирной пехоты крохотную чужеродную заплатку – округлые темные щиты вастакских копейщиков. Встречный ветер свистел в ушах и трепал его слипшиеся от пота соломенные волосы; рядом, почти стремя в стремя, мчался Имрахиль. «Черт побери, князь, наденьте шлем – справа лучники!!» «После вас, прекрасный сэра! – оскалился в усмешке тот и, крутанув меч над головою, прокричал сорванным от команд голосом: – Дол-Амрот и Лебедь!» «Рохан и Белый конь!» – откликнулся Йомер, а за их спиною уже разросся в величественное стаккато слитный грохот тысяч копыт: роханские и дол-амротские всадники двинулись в последнюю атаку – победить или умереть.

ГЛАВА 9

Всем известно, что вастакские пехотинцы – не чета троллийским; эти от удара Йомера поразлетались как кегли и сверкающий клин конницы Заката с хрустом проломил панцирь мордорских оборонительных порядков. Чуть погодя в тыл мордорцам ударил второй клин – режущее острие из остатков серой фаланги Арагорна, заключенное в оправу из гондорских латников. Около шести вечера эти клыки сомкнулись в теле Южной армии, близ ее лагеря. На этом сражение как таковое закончилось, и начался разгром: исполинский костер, возникший на месте парка осадной техники, выхватывал из сгущающихся сумерек то застрявшую в грязи орокуэнскую повозку с ранеными, то сплошь

утыканного стрелами мумака, мечущегося по полю, давя своих и чужих. Йомер, наткнувшийся посреди всей этой победной неразберихи на Арагорна, как раз церемонно обнимал под всеобщие победные клики собрата-полководца, когда заметил летящего к ним во весь опор всадника – давешнего застенчивого корнета. Парнишка, по совести говоря, показал себя молодцом – хоть к награде представляй. Когда рохирримы повстречались близ мордорского лагеря с остатками конницы южан, он съехался один на один с лейтенантом харадримов и, ко всеобщему изумлению, вышиб из седла чернокожего гиганта и сорвал с него багровый плащ со Змеем – тот самый, которым сейчас победно размахивал над головой. Спешившись в десятке шагов перед отечески оглядывающими его вождями, корнет дернул шлем, тряхнул головою, будто норовистая лошадка, и по плечам его внезапно рассыпалась копна волос – вызолоченный вечерним солнцем ковыль роханских степей. «Йовин! – только и сумел вымолвить Йомер. – Какого черта...» Юная воительница в ответ показала язык и, небрежно кинув брату харадримский плащ – тот так и остался сидеть в ошеломлении, прижимая к груди сестрин трофей, – остановилась перед Арагорном.

– Здравствуй, Ари, – спокойно сказала она, но лишь Ниэнна смогла бы назвать цену этого спокойствия. – Поздравляю тебя с победой. Теперь все отговорки насчет «воинского служения», как я понимаю, утратили силу. И если я больше не нужна тебе – скажи это прямо сейчас: клянусь звездами Варды, я тотчас перестану отравлять тебе жизнь.

– Как ты могла такое подумать, моя прекрасная амазонка! – и вот она уже сидит у него поперек седла, смотрит сияющими глазами, лепечет чепуху, а потом преспокойно целует при всем честном народе – ибо роханские девушки вообще не слишком считаются с южными условностями, а уж героиня-то Пеленнорского сражения и вовсе плевать на них хотела... А Йомер глядел на всю эту идиллию, темнея лицом, и думал про себя: «Дуреха, разуй же ты глаза, ведь у него ж на роже всё написано – кто ты ему и кто он тебе! Ну почему, почему эти дуры вечно падают на таких проходимцев –

добро б ещё был какой красавец...» – впрочем, не он первый и не он последний в этом Мире, да и в других мирах тоже...

Вслух же он, разумеется, ничего такого говорить не стал и попросил лишь: «Ну-ка, покажи, что с рукой»; когда же та принялась выступать – дескать, во-первых, она совершеннолетняя и сама разберется, а во-вторых, это даже и не царапина, а так просто... – вот тут уж он рывкнул от души, так что уши в трубочку свернулись, и в выражениях простых и энергичных расписал пеленнорской героине, что он с ней сотворит, ежели та при счете «три!» не очутится на перевязочном пункте. Йовин, рассмеявшись, откозыряла – «Слушаюсь, мой капитан!» – и только по тому, с какой непривычной осторожностью она поднималась в седло, он понял: ох, не царапиной там пахнет... Девушка, однако, уже успела прильнуть к плечу брата – «Ну, Йом, ну не дуйся, пожалуйста, если хочешь – отлупи меня как следует, только не ябедничай тетушке», – потерлась носом об его щеку, как в детстве... Арагорн с улыбкой наблюдал за ними, и Йомер вздрогнул от неожиданности, перехватив взгляд следопыта: именно такие глаза бывают у лучника за миг до того, как он спустит тетиву.

Значение этого взгляда он понял лишь назавтра, когда, откровенно говоря, было уже поздно. В тот день в палатке Арагорна собрался военный совет с участием Имрахилия, Гэндальфа-Митрандира и нескольких эльфийских вождей (их армия подошла ночью – в аккурат к шапочному разбору). На нем дунадан без обиняков разъяснил наследнику роханского престола – а теперь уже, считай, королю, – что отныне тот является не союзником, а подчиненным, и жизнь Йовин, находящейся под специальной охраной в минас-тиритском госпитале, всецело зависит от благоразумия брата.

– О, дражайший Йомер, без сомнения, может не сходя с этого места проткнуть меня мечом – а потом полюбоваться вот в этом *палантире*, что произойдет с его сестрой; зрелище будет не для слабонервных. Нет, сама она, разумеется, ни о чем таком не подозревает; извольте убедиться, сколь трогательно она помогает ухаживать за тяжелораненым принцем Фарамиром. Что? Гарантии? Гарантия – здравый смысл:

с той поры, как я займу престол Воссоединенного Королевства Гондора и Арнора, мне просто никто уже не будет опасен...

Каким образом? Да очень просто. Король Гондора, как вам известно, погиб: да-да, ужасная трагедия – повредился рассудком и сам сжег себя на погребальном костре, представьте себе... Принц Фарамир ранен отравленной стрелой и выздоровеет нескоро – если вообще выздоровеет, это зависит... гм... от многих обстоятельств. Принц Боромир? Увы, такой надежды нет: он пал в бою с орками на Андуине, за водопадами Рэроса, и я своими руками погрузил его тело в погребальную ладью. А поскольку идет война, я, как наследник Исилдура не вправе оставить страну в безвластии. Итак, я принимаю командование гондорской армией и вообще всеми вооруженными силами Закатной коалиции... Вы что-то хотели сказать, Йомер?.. Нет?..

Итак, мы тотчас же начинаем поход на Мордор; гондорскую корону я, понятное дело, смогу принять, лишь вернувшись оттуда с победой. Что до Фарамира, то я склонен отдать ему в княжение одну из гондорских земель – да хоть тот же Итилиен; по совести говоря, он всегда больше интересовался поэзией и философией, нежели делами государственного управления. Впрочем, не стоит загадывать так далеко: сейчас положение принца критическое, и он может просто не дожить до нашего возвращения. Так что беспрестанно молитесь о его выздоровлении всё то время, что мы с вами пробудем в походе, дражайший Имрахиль, – говорят, будто молитвы лучшего друга имеют в глазах Валар особую ценность...

Когда выступаем? Немедленно, как только добавим у Осгилиата остатки Южной армии. Вопросы есть? Вопросов нет.

А едва лишь палатка опустела, человек в сером плаще, стоящий оплечь Арагорна, произнес с почтительной укоризной:

– Вы неоправданно рисковали, Ваше Величество. Ведь этот Йомер был, считай, не в себе – вполне мог наплевать на всё и нанести удар...

Следопыт чуть повернул голову и процедил сквозь зубы:

– Для сотрудника тайной стражи ты кажешься мне, во-первых, болтливым, а во-вторых, не слишком наблюдательным.

– Виноват, Ваше Величество... Мифриловая кольчуга под одеждой?

Насмешливый взгляд Арагорна скользнул по сухому смуглому лицу говорившего, чуть задержавшись на рядах дырочек, обметавших его губы. С полминуты длилось молчание.

– А я уж решил было, что ты совсем отлежал мозги в своем склепе и ещё примешься расспрашивать – откуда она у меня... Кстати, всё забываю спросить – зачем вам зашивают рты?

– Не только рты. Ваше Величество. Считается, что все отверстия на теле мумии должны быть наглухо закрыты – иначе отлетевший дух на сороковой день вернется обратно в тело и оно примется мстить живым.

– Весьма наивный способ... э-э-э... контрацепции...

– Так точно. Ваше Величество, – позволил себе улыбнуться серый. – Благо я – живое тому подтверждение.

– Гм, живое... А как, кстати, насчет «мести живым»?

– Мы лишь выполняем приказы. Наша тень – это Ваша тень.

– То есть тебе безразлично, что я прикажу – убить ребенка или стать ему вместо отца?

– Абсолютно. И то, и другое я выполню настолько хорошо, насколько смогу.

– Ну что ж, это мне подойдет... Займись-ка пока вот чем. Намедни один из моих соратников по службе на Севере, некий Анакит, в пьяном виде похвалялся приятелям, будто скоро станет богат, как Тингол; он, видишь ли, располагает сведениями о некоем легендарном мече, за которые кое-кто не пожалеет никаких денег. Эти разговоры должны прекратиться немедленно.

– Так точно. Ваше Величество. Слушателей этой болтовни...

– Зачем?..

– Вы полагаете?..

– Заруби-ка себе на носу вот что, милейший. Я убиваю без колебаний, но никогда – повторяю по складам: ни-ко-гда! – не убиваю без крайней нужды. Ясно?

– Это по-настоящему мудро. Ваше Величество.

– Много себе позволяешь, лейтенант, – произнес следопыт тоном, от которого иной собеседник покрылся бы ледяной корочкой.

– Наша тень – это Ваша тень, – спокойно повторил тот. – Так что мы с вами теперь в некотором смысле одно целое. Разрешите выполнять?

Добавить остается немного. Армия Закатной коалиции (в которую теперь вошли и переметнувшиеся к победителям – и «прощенные» ими – вастаки) выступила в поход, самым ярким событием которого стал случившийся 23 марта мятеж вестфолдских рохирримов и лоссарнахских ополченцев, решительно не понимавших, с какой стати они-то должны класть свои головы на чужбине за Арагорнову корону? Беспощадно подавив волнения в войске, дунадан привел его на Кормалленское поле, что в устье Мораннонского прохода, где и повстречал то последнее, что смог наскрести по сусекам Мордор; тот ведь уже полностью исчерпал резервы, вложив всё, что имел, в удар Южной армии. Коалиция победила, вернее сказать – гондорцы, рохирримы и вастаки просто завалили мораннонские укрепления своими трупами; эльфы, как обычно, вступили в сражение, когда дело уже было сделано. Потери победителей в той битве оказались столь велики, что пришлось спешно сочинить легенду о якобы противостоявшей им колоссальной армии Восхода. Мордорцы погибли там все, включая короля Саурона; тот бился в конном строю своей лейб-гвардии в простом капитанском плаще, так что его труп даже не был опознан. О дальнейших действиях Коалиции летописи Закатных стран повествуют более чем лаконично, ибо резня, учиненная победителями внутри Мордора, была чудовищной даже по меркам того, не слишком гуманного, времени.

Как бы то ни было, план Гэндальфа увенчался успехом (ну, не считая той мелочи, что эльфам, разумеется, и в голову не пришло возвращать Зеркало), и мордорская цивилизация прекратила свое существование. Однако маги Белого Совета как-то упустили из виду одно обстоятельство, а именно: в Мире существует Нечто, ужасно не любящий полных побед и всякого рода

«окончательных решений», и выказать эту свою неприязнь он может самыми невероятными способами. Вот и сейчас, равнодушно оглядывая побежденных – весь этот мусор, выброшенный на берег отгремевшей бурей, – означенный Некто вдруг задержал свой взор на паре бойцов несуществующей более Южной армии, затерявшихся среди барханов Мордорской пустыни.

ГЛАВА 10

*Мордор, урочище Тэшгол.
9 апреля 3019 года*

– А почему бы нам не дожидаться ночи? – прошептал Халаддин.

– Потому что, если там и вправду засада и если ребята эти не полные лопухи, они будут ждать гостей именно по темноте. А Полевой устав чему нас учит, доктор? – приподнял палец Цэрлэг. – Правильно – «делай обратное тому, что ожидает противник». Короче говоря, до моего сигнала с места ни ногой, а ежели я, упаси Единый, засыплюсь, то в особенности. Ясно?

Тут он ещё раз окинул взглядом кочевье и пробормотал:

– Ох, не нравится мне вся эта картинка...

Урочище Тэшгол представляло собой закрепленные пески с довольно густыми рошицами белого саксаула по отлогим ложбинам меж невысоких взлобков, заросших песчаной осочкой и кандымом. Кочевье – три юрты, поставленные треугольником входами к его центру, – располагалось в укрытой от ветра овальной котловинке приблизительно в полутора сотнях ярдов от их укрытия, так что видно всё было как на ладони. За час наблюдения Цэрлэг не отметил вокруг ни малейшего подозрительного движения; впрочем, *неподозрительных* движений не было тоже – кочевье казалось вымершим. Всё это было очень странно, однако надо было на что-то решаться.

Несколькими минутами спустя затаивший дыхание Халаддин уже наблюдал, как разведчик в своей бурой накидке буквально потек вдоль почти неразличимых складок рельефа. Вообще-то, конечно, тот был